

К 80-летию революций в России

От редакционной коллегии

Мы полагаем справедливой точку зрения многих историков, социологов, философов, политологов, считающих значительными для судеб XX века событий 1917 года. Есть разные мнения о причинах, ходе и последствиях Февраля и Октября. На рубеже веков очень важно для понимания социально-политических изменений в России, да и во всем мире, рассмотреть события начала нашего столетия, впрочем как и современной реальности.

Мы приглашаем к участию в обсуждении ученых, политических деятелей, представителей религиозных конфессий, журналистов и всех заинтересованных лиц.

© 1997 г.

А.П. БУТЕНКО

ПРАВДА И ЛОЖЬ О РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 года

БУТЕНКО Анатолий Павлович - доктор философских наук, главный научный сотрудник ИМЭПИ РАН, профессор Московского университета.

В 1997 году исполняется семьдесят лет двум российским революциям (Февральской и Октябрьской), изменившим судьбу России и оставившим неизгладимый след на всем двадцатом веке. Пожалуй, сегодня нет ничего более запутанного, чем эти страницы отечественной истории. В их трактовке содержатся по меньшей мере четыре разные "правды": одна - единственно истинная - та, какими эти революции были на самом деле, почему они развивались так, а не иначе; вторая объясняет, как эти революции субъективно воспринимались современниками и участниками, почему они руководствовались тем или иным пониманием, будучи авторами и актерами драмы; третья - "правда", которая на протяжении ряда десятилетий внедрялась в общественное сознание в качестве "марксистско-ленинской", хотя на деле была сталинизмом; наконец, четвертая - это широко афишируемая ныне "правда", а на деле откровенная ложь, какую распространяют сегодняшние противники Октябрьской революции, откровенные враги социализма.

Конечно, было бы большим самомнением, предлагая собственное видение

событий, претендовать на истину в последней инстанции, а не на еще одну попытку приблизиться к адекватному отражению случившегося - на что претендует каждый добросовестный общественник, берущийся за перо и пишущий об отечественной истории. Никто не застрахован от ошибок, но следует различать невольные заблуждения, порожденные сокрытием фактов или несовершенством концептуального аппарата, и преднамеренную ложь, пренебрегающую фактами и сознательно обманывающую сограждан в угоду одно-моментной корысти или долговременного холуйства перед властью имущими. Ныне в общественном сознании не мало тех, кто переход к рынку понимает как торговлю единственным своим достоянием - совестью. А как известно, "чем меньше совести, тем больше всего остального".

Среди этих последних немало ретроградов, осуждающих революции как таковые, не понимающих того, что революционные перевороты, сопровождающие естественно-историческое развитие - средство спасения и умножения обществом производительных сил, а потому важный момент прогресса. Эсер Виктор Чернов в свое время писал: "Оправдание революции - не в выигрыше времени и в экономии сил. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухою стеною отстаивать мощное и неудержимое историческое движение". Именно такими и были революции 1917 года - это были тогда единственно возможные способы двинуться вперед.

Объективные условия и субъективные подходы к революционным переменам в России

К началу XX века Россия не была страной классического капитализма. Запоздавшая реформа 1861 года, хотя и дала значительный толчок развитию России по буржуазному пути, не позволила ей решить многие задачи общественного развития. "Здесь в силу запоздалого вторичного и догоняющего развития капитализма, - пишет академик П. Волобуев, - как бы наложились друг на друга разные исторические эпохи, спрессованные во времени и пространстве. Ввиду этого одновременно надо было решать и аграрный вопрос - основной для страны, где крестьянство составляло большинство населения, и задачи капиталистической индустриализации, подъема культурно-образовательного уровня народа, и национальную проблему, и проблему демократизации общественно-политической жизни - замены абсолютистско-бюрократических порядков буржуазно-демократическими и т.п."¹.

При всех издержках прогресса страна отличалась высокой концентрацией промышленного производства, значительным уровнем организованности и сознательности рабочего класса, сложной многопартийностью и острой идейно-политической борьбой. Отличительной чертой было также то, что российская буржуазия не была революционной и боялась радикальных перемен. Еще одна особенность состояла в том, что обе российские революции протекали в ходе мировой империалистической войны - главного дирижера многих событий. Без разрыва с войной никакие радикальные перемены в стране были невозможны,

а необходимость такого разрыва резко сближала назревшие общедемократические перемены с социалистическими, с радикальными мерами борьбы против империалистических основ войны.

Как же политически сознательная Россия встретила этот вызов истории? На политической арене страны было много партий, движений и лидеров, дававших свой ответ на этот исторический вызов. Какую позицию заняли левые, те, кто сыграл главную роль в революциях 1917 года?

Хорошо известно, что, выступая за естественно-исторический переход к социализму, Маркс и Энгельс не раз предупреждали революционеров, что попытки преждевременного и насильственного насаждения нового строя грозят неизбежным провалом, ведут не к действительному, а к "казарменному коммунизму" с его формальным обобществлением, фактически не устраняющим капитала и связанных с ним отношений. "Для такого коммунизма, - писал К. Маркс, - общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом"². Поскольку же общество не в состоянии еще обеспечить сносное существование всем своим членам, то в нем, если и не возобновляется в полной мере "борьба всех против всех", то сохраняется вся "старая мерзость" борьбы за жизненные блага с использованием силы и власти, что и превращает общество в казарму, нерентабельно производящую, населенную забытыми гражданами и их стяжателями-правителями. Ф. Энгельс дважды писал о том, что если коммунисты получают власть до того как сложатся условия господства представляемого ими класса, то это приведет к катастрофе, ибо их вождь окажется перед неразрешимой дилеммой: "то, что он может сделать противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии, а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно"³. Это крайне суровое предупреждение было по-разному воспринято меньшевиками и большевиками.

Для меньшевиков осознание этого явилось первопричиной их постоянного нежелания ввязываться в борьбу, пока капитализм не достиг зрелых форм. Боясь оказаться в этом гибельном положении, они призывали "не братья за оружие" в революции 1905 года; выступали против активного вмешательства в управление страной после Февраля 1917 года, настойчиво боролись против подготовки вооруженного восстания в Октябре: им всюду мерещилось преждевременное овладение властью без наличия объективных условий. Именно с этих позиций они критиковали "авантюризм-волонтаризм" и "социалистический бред" большевиков, стремившихся к активным действиям в условиях еще не созревшего для социализма общества.

Принципиально иной вывод сделали большевики: если российская буржуазия консервативна и не желает осуществлять свою историческую миссию, а Россия уже созрела для радикальных буржуазно-демократических перемен, то в

такой обстановке вождь рабочего класса "вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент"⁴, разумеется, не обманывая свой класс, а разъясняя ему ситуацию. Короче, ни в коем случае нельзя "отсиживаться", бездействовать в ходе такой революции⁵.

Убеждение, согласно которому социальную революцию рабочего класса следует пассивно ждать до тех пор, пока капитализм не исчерпает весь свой потенциал - ошибочно, ибо социально-экономическое противоречие, вызывающее революционный взрыв, и классовый характер возникающей политической власти, ее возможные действия и проводимые преобразования не являются жестко, однозначно, неразрывно связанными.

Будучи результатом революционной энергии масс, новая власть представляет собой относительно самостоятельную ценность, фактор, способный ускорить прогресс. На фундаменте одного и того же социально-экономического противоречия в зависимости от степени недовольства, уровня организованности и активности масс возникающая власть может быть разной - менее или более революционной. Так, результатом Февральской революции, являвшейся по своему существу буржуазной (но с широким участием масс), были возможны, по меньшей мере, три варианта: диктатура буржуазии, демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и, наконец, то, что состоялось на деле - двоевластие, сочетание того и другого. Мало того, сама революционная власть при определенных условиях (скажем, если это демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, возникающая в ходе буржуазно-демократической революции эпохи империализма), может начать действия, характеризующие задачи уже другой - социалистической - революции. Однако всегда, опираясь на энергию создавших ее масс (их недовольство, порыв, энтузиазм), революционная власть остается только **относительно самостоятельной**; выход за эти пределы ведет к отрыву от масс, к термидору. Эта концепция как раз и позволила Ленину по-новому подойти к перспективам революционной борьбы в России.

Февральская революция: могла ли Россия пойти по капиталистическому пути?

23-27 февраля 1917 года система социально-экономических и общественно-политических противоречий, обостряемых неслыханными бедствиями империалистической войны, взорвалась стихийными выступлениями масс. Начавшись со столкновений у продовольственных магазинов и хлебных лавок, с демонстраций работниц петроградских заводов против войны и голода, подержанные стачками на многих предприятиях, массовые выступления граждан быстро переросли во всеобщую политическую стачку, в бои с полицией, а с 26 февраля и в бои с вызванными в столицу войсками, что уже 27 февраля привело не только к отказу войск бороться против населения, но и к массовому переходу войск на сторону народа, к захвату правительственных зданий восставшими.

В результате этих активных выступлений рабочих и солдат, а также

сочувствующих им граждан революция одержала политическую победу - в России пало самодержавие, возникло двоевластие: с одной стороны, власть созданного думским комитетом буржуазно-помещичьего Временного правительства, с другой, власть Советов рабочих и солдатских депутатов как демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Политическая победа буржуазно-демократической революции в России поставила российское общество перед выбором: пойдет ли Россия по пути решительного устранения пережитков феодализма и быстрого (по американскому образцу) развития капитализма, создания предпосылок более высокого общественного устройства ИЛИ она будет непрерывно спотыкаться о препятствия, придерживаясь прусского пути - постепенного вращивания в капитализм?

Сегодня о Февральской революции пишут многие и самое разное. Но мало кто добирается до органического противоречия или, если хотите, интимного смысла, озарявшего своим светом ее драматический ход и исход. Эта главная тайна Февральской революции (называемая на Западе "смутной революцией"), состоит в том, что, будучи по своей природе буржуазной, она не имела в своей структуре такой общественно-политической силы, которая была бы способна повести Россию по капиталистическому пути. Многочисленные сторонники капиталистической ориентации, с пеной у рта обвиняющие большевиков в том, что они своей политикой и действиями свернули Россию с "общечеловеческого" пути, скрывают этот органический изъян революции, молчат о том, почему все три Временных правительства 1917 года так и не осуществили назревших задач буржуазно-демократической революции. Поэтому весьма странно звучат слова доктора исторических наук, заявлявшего: "Возможность продолжения развития России по буржуазно-демократическому пути не только существовала, но и была, как мне кажется, в сложившихся условиях наиболее вероятной. Ее обеспечивали победа Февральской революции, вооруженное свержение царского строя и существенное преобразование государственного аппарата, значительная поддержка массами демократического Временного правительства"⁶.

Почему же эта "наиболее вероятная" возможность не реализовалась? Согласно В. Старцеву, во всем виновато Октябрьское вооруженное восстание, ибо "Временное правительство Керенского имело шансы довести страну до Учредительного собрания, если бы не было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде"⁷. Куда же делась "значительная поддержка массами" этого правительства, как оно дошло до того, что оказалось свергнутым?

Такой исход Февральской революции был с самого начала заложен в расстановке общественно-политических сил России, в революционности народа и неревлюционности буржуазии, в нараставших бедах ведущейся войны, порвать с которой Временное правительство никак не могло в силу своей социальной природы, что и предопределило утрату им авторитета.

В. Ленин лучше, чем кто-либо другой, понимал, что сразу после Февраля сложившаяся в стране ситуация, когда ни буржуазно-помещичье правительство, и соглашательские Советы не осуществляют назревшие меры, а значит сохраняют и обостряют недовольство граждан, таит в себе смертельную опасность для решительного завершения задач буржуазной революции и тем

самым исключает возможность развития России по обычному капиталистическому пути. Он сознавал и то, что спасти революцию и перспективу радикального осуществления ее буржуазно-демократических задач может вовсе не буржуазия, а революционный союз рабочих и крестьян, возглавляемых сознательным пролетарским авангардом. Короче говоря, по иронии судьбы только революционные силы, возглавляемые большевиками, могли решительно реализовать задачи "не своего класса", назревшей буржуазной революции, но для этого был необходим новый (второй) этап. Другими словами, выход заключался в том, чтобы, мобилизовав и организовав растущее число недовольных, обеспечить **новый классовый сдвиг**. В ходе этого второго этапа все той же буржуазно-демократической (а вовсе не социалистической) революции и должна была установиться более радикальная политическая власть, способная справиться с нерешенными задачами буржуазной революции. Это должна быть отнюдь не социалистическая диктатура пролетариата, а **революционно-демократическая** диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства или даже **демократическая** диктатура пролетариата (о такой разновидности революционно-демократической власти Ленин писал еще во время революции 1905 года).

Но пока В. Ленин разрабатывал свою новую концепцию углубления революции в России и собирался возвратиться в страну, жизнь не стояла на месте. Вернувшиеся из ссылки в Петроград 12 марта (на 22 дня раньше Ленина) И. Сталин и Л. Каменев возглавили Бюро ЦК РСДРП(б), подчинили себе редакцию "Правды" и, стремясь ориентировать трудящихся в сложной ситуации, стали в ряде статей излагать свою особую, в сущности, оппортунистическую позицию, в корне противоречившую ленинскому пониманию перспектив революции, его отношения к Временному правительству, к соглашательским Советам, к вопросам войны и мира, - т.е. по всем ключевым вопросам стратегии и тактики. Венцом этого оппортунизма стало мартовское совещание большевиков, о котором и сегодня остаются в неведении не только студенты-историки, но и целое поколение их учителей-профессоров⁸.

28 марта 1917 года, т.е. всего за несколько дней до приезда В. Ленина и апрельских конференций, одновременно с совещанием представителей самых влиятельных Советов, в Петрограде открылось Всероссийское совещание большевиков, созванное бюро ЦК. Месяц, прошедший после переворота, не уменьшил, а из-за путаных статей в "Правде" и меняющихся установок руководства даже усилил растерянность и разброд в партийных рядах. Основной докладчик - И. Сталин так характеризовал происшедшее в России: "Власть поделилась между двумя органами, из которых ни один не имеет полноты власти... Совет фактически взял почин революционных преобразований, Совет - революционный вождь восставшего народа, орган, контролирующий Временное правительство. Временное правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет мобилизует силы, контролирует. Временное правительство, упираясь, путаясь берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые уже фактически взяты нами"⁹. Здесь каждая фраза - шедевр оппортунизма.

Ведь еще не так давно И. Сталин вслед за Лениным повторял общепри-

знанную идею о нереволуционности буржуазии в России, что она не может быть ни двигателем, ни тем более вождем революции, что она - убежденный враг, что в ходе революции именно против нее следует вести решительную борьбу, чтобы реализовать ее задачи. Теперь же И. Сталин доказывал нечто прямо противоположное: он изображал взаимоотношения между двумя основными классами как разделение труда между двумя "органами": Советы, т.е. рабочие и солдаты, совершают революцию, а правительство, т.е. капиталисты и либеральные помещики, "закрепляют" ее! "Нам не выгодно форсировать сейчас события, ускоряя процесс откалывания средне-буржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным правительством"¹⁰. Здесь почти целиком исчезает отличие сталинских позиций от меньшевизма.

Таким образом, вопреки сталинской исторической "правде", много лет выдававшейся за "марксистско-ленинскую", вовсе не Л. Каменев и Г. Зиновьев были главными глашатаями антиленинской линии в канун апрельской конференции большевиков. Главным идеологом был И. Сталин, которому потом только ценой невероятных усилий, "дозированной лжи", прямых фальсификаций и полупризнаний, сокрытия протоколов и физического устранения свидетелей, надолго удалось затуманить суть дела, возложить главную вину за содеянное на своего тогдашнего союзника - Л. Каменева. До сих пор история пишется так: о мартовском совещании большевиков ни слова, об оппортунистическом докладе И. Сталина - молчок, о его удивительном хамелеонстве и непорядочности - тишина.

Однако настал день, в Петроград вернулся В. Ленин со своей концепцией углубления революции в России. Эту позицию он излагал перед большевиками и меньшевиками на совещаниях, митингах и конференциях, встречая возражения не только со стороны открытых противников из лагеря буржуазии, от конкурентов-меньшевиков, но и от многих коллег-единомышленников. Внимательно изучив не только суть ленинской концепции, но и характер многочисленной ее критики, я утверждаю, что большинство оппонентов Ленина, сплошь и рядом, не поняли его концепцию и по сути дела критиковали не ленинскую концепцию, а собственную - фальшивую - ее версию. Если кадет П. Милуков утверждал, будто Ленин и его партия делали вывод: к "буржуазной" революции социалисты не должны прикасаться, то все другие - от меньшевика Г. Плеханова до большевика Л. Каменева - обвиняли Ленина за то, что он, якобы, предлагал оставить уже закончившуюся буржуазную революцию и перейти к революции социалистической, выступал за непосредственное перерастание или "перерождение" первой во вторую и "введение социализма" в России. Мы еще вернемся к этим фальшивым обвинениям, здесь же выясним, как И. Сталин отнесся к начавшемуся повороту большевиков к новой ленинской концепции? "Лично для Сталина апрельское перевооружение партии имело крайне унижительный характер. Из Сибири он приехал с авторитетом старого большевика, со званием члена ЦК, с поддержкой Каменева и Муранова. Он тоже начал со своего рода "переворужения", отвергнув политику местных руководителей как слишком радикальную и связав себе руки рядом статей в "Правде", докладом на совещании,

резолуцией Красноярского Совета. В самый разгар этой работы, которая по характеру своему была работой вождя, появился Ленин. Он вошел на совещание, точно инспектор в классную комнату и, схватив на лету несколько фраз, повернулся спиной к учителю и мокрой губкой стер с доски все его беспомощные каракули. У делегатов чувства изумления и протеста растворились в чувстве восхищения.

У Сталина восхищения не было. Были острая обида, сознание бессилия и желтая зависть. Он был посрамлен перед лицом всей партии неизмеримо более тяжело, чем на тесном Краковском совещании после его злосчастного руководства "Правдой". Бороться было бы бесцельно: ведь он тоже увидел новые горизонты, о которых не догадывался вчера. Оставалось стиснуть зубы и замолчать. Воспоминание о перевороте, произведенном Лениным в апреле 1917 г., навсегда вошло в сознание Сталина острой занозой. Он овладел протоколами мартовского совещания и пытался скрыть их от партии и от истории"¹¹.

Совсем иначе реагировал Л. Каменев - друг и соратник Ленина: он, подтверждая свой принципиальный подход к делу, открыто выступил против ленинских тезисов. В чем состояла суть его позиции?

В своих выступлениях и статьях Л. Каменев, как и другие, обвинял В. Ленина в том, что тот ошибочно считал буржуазную революцию уже законченной и выступал за непосредственное перерастание (по терминологии Л. Каменева "перерождение") буржуазной революции в социалистическую, за преждевременное нацеливание масс на "шаги к социализму", т.е. на преждевременный переход к социализму. Когда знакомишься с подобными обвинениями, раздававшимися в то время не от одного Л. Каменева, невольно возникает вопрос: неужели В. Ленин, неоднократно писавший о недоступности смещения "реально-демократического переворота" с "мнимо-социалистическим", не видел и не понимал этого?

Если внимательно изучить его тогдашние работы, речи и выступления, связанные с апрельскими конференциями и тогдашними установками большевиков, то очевидно следующее: да, действительно на этом историческом переломе В. Ленин выдвинул весьма спорный для многих курс на новый политический этап уже идущей революции, курс, способный, по его мнению, во-первых, обеспечить радикальное завершение задач буржуазной революции, во-вторых, нацелить общество на более отдаленную другую - социалистическую - революцию, вполне понимая, что в условиях незавершенности задач буржуазно-демократической революции об этой спорной перспективе речь следует вести не непосредственно, а опосредовано, в виде осуществления ряда приближенных войной "шагов к социализму".

Чтобы достичь такого результата необходима перегруппировка классовых сил, нужен "классовый сдвиг" в рамках буржуазной революции, сдвиг, обеспечивающий переход от двоевластия к революционно-демократической власти пролетариата и беднейшего крестьянства. С точки зрения развития революции такая власть должна обеспечить осуществление двух целей: первое - в сложившихся условиях рассчитывать на реализацию "старой формулы" большевиков, на утверждение **демократической** диктатуры пролетариата и крестьянства было нельзя, ибо было неизвестно, «может ли теперь быть еще в

России особая "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства", оторванная от буржуазного правительства»¹². Само допущение возможности такой власти (а ведь она орган буржуазной революции) - свидетельство того, что Ленин и здесь считает задачи буржуазной революции не завершенными. А поскольку на неизвестном базироваться в тактике нельзя, возможен только один путь: "немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных"¹³. Существовало и второе соображение: ни одно завоевание демократии для завершения задач революции не могло быть реализованным без выхода из войны. Но разрыв для этого империалистически-капиталистических связей России, безусловно, не укладывался в рамки задач буржуазной революции: эта задача была не под силу любому, в том числе самому демократическому буржуазному правительству, а потому решать задачу могло только продвижение революционного процесса "чуть дальше" обычного буржуазно-демократического, что было под силу только новому - более радикальному - этапу демократической революции с ее "почти социалистическим" правительством - диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства.

Возвращаясь к реальной ситуации 1917 года - на отрезке между Февралем и Октябрем - есть все основания утверждать, что разговоры о том, будто Ленин и большевики своей нацеленностью на более радикальный этап буржуазной революции сломали возможность поступательного развития капитализма в России, вызывают только смех, ибо в тогдашней России никто не собирался вести страну по капиталистическому пути, а точнее, тогда не было скольконибудь влиятельной общественно-политической силы, способной повести страну по такому пути.

Конечно же, сама российская буржуазия очень хотела быстрого развития в стране капитализма, а вместе с ним и своего процветания, но она не желала необходимых для этого радикально-революционных мер, боялась подобных мер, не шла на них. Это стало ясно уже после прихода к власти первого буржуазно-помещичьего Временного правительства, возглавляемого князем Львовым. С каждым месяцем от Февраля до Октября становилось все яснее, что буржуазия, придя к власти не хочет и не может выполнить свое историческое предназначение: дать мир народу, землю крестьянам, права и свободы всем гражданам. А значит ждать народу облегчения от этой власти нечего, значит правы были Ленин и большевики, давно заявлявшие, что российская буржуазия не хотела и не могла вести Россию по капиталистическому пути, что сама надежда с ее помощью осуществить возрождение страны - ни на чем не основанная утопия, нереальная мечта вчерашнего и сегодняшнего обывателя, филистера, наслышавшегося басен о том, что если есть буржуазия, то возможен и капиталистический путь развития, строящего свое понимание истории не на реальных фактах, а на пожеланиях вроде "вот если бы, да кабы!". Как здесь не вспомнить:

Ах, кабы на цветы, да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали!

Не только вчерашним "друзьям народа", но и сегодняшним "демократам",

эксплуатирующим неосведомленность простого человека насчет того, как делается политика, а потому доверчиво прислушивающегося к тем, кто заявляет, что Октябрь был не нужен, что следовало ограничиться Февралем и идти капиталистическим путем, зададим простенький вопрос: почему же буржуазное правительство, утвердившееся после "славного Февраля", не повело Россию по этому сегодня благословляемому пути? Кто ему мешал дать землю крестьянам, свободу гражданам, мир всему народу? Кто мешал буржуазии, уже стоявшей у власти разрубить, этот гордиев узел острейших проблем, который затягивался все туже, неудержимо увлекая страну к новому революционному взрыву?

Конечно, вывод об отсутствии для тогдашней России буржуазной альтернативы большевистскому Октябрю можно объявить повторением коммунистической догматики, но тогда придется объяснить, кто и как мог осуществить эту альтернативу, как опровергнуть подобную версию буржуазной историографии, в том числе антикоммунистической?

Один из наиболее известных историков и славистов, профессор Калифорнийского университета Мартин Малия, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевизму, рассматривая развитие "сомнительной революции" 1917 года в России как "непрерывное искривление и притом исключительно политическое", пишет: "После четырех месяцев поражение двух легитимистских формаций, кадетов и умеренных социалистов, вынуждает нас заключить, что эти две силы в той ситуации, какая была в 1917 году, не располагали никакой возможностью создать в России демократический, конституционный, парламентский строй. Сожалеть об этом - значит попросту терять время. В 1914 году, если бы удалось сломить монархию, может быть эти две политические силы обладали бы некоторой возможностью создать демократическое государство по западному образцу, а позже уже нет... И тот факт, что две попытки в общей сложности продлились всего четыре месяца, весьма показателен"¹⁴. Но может быть это могло получиться у право-консервативных сил: армии, правых кадетов? М. Малия отвечает, что правые рассуждали и действовали так: "поскольку двойная власть, советы и эта попытка осуществления народно-революционной войны, посеяли повсюду лишь беспорядок и анархию, необходимо устранить их, установить твердую власть, уничтожить анархию в армии и возобновить войну. Такова была цель Корнилова, но вскоре обнаружилось, что кроме правых кадетов, национально-консервативная среда в целом не имела достаточной опоры в стране. Попытка, предпринятая Корниловым, была поражением более чем плачевным"¹⁵. Вывод: "Значит и третья политическая сила проигрывает в этой игре: ни либералы, ни умеренные социалисты, ни правые не могли выиграть"¹⁶.

Мартин Малия, как и другие историки, справедливо отрицает возможность для России после Февраля 1917 года утвердиться на капиталистическом пути, показывает отсутствие должных общественно-политических сил для этого. Более того, вчерашним и сегодняшним "демократам", грустящим по этому поводу, он говорит: "Сожалеть об этом - значит попросту терять время. В 1917 году это было невозможно"¹⁷. Нерешенные проблемы Февраля, обостряясь и умножаясь, толкали страну к революционным событиям Октября.

Был ли Октябрьский переворот классической социалистической революцией?

25 октября (7 ноября) 1917 года в результате острейших противоречий как унаследованных от Февраля, так и новых, наслоившихся за время восьмимесячного развития страны в условиях продолжавшейся империалистической войны, в истерзанной России произошел революционный переворот. В отличие от Февраля это был отнюдь не стихийный взрыв недовольства масс, а достаточно продуманное и организованное выступление вооруженных отрядов рабочих, солдат и матросов, завершившееся взятием Зимнего и арестом членов Временного правительства.

В результате успеха вооруженного восстания Октябрьской революцией была одержана политическая победа - буржуазное Временное правительство, возглавлявшееся эсером А. Керенским, было свергнуто, а государственная власть была передана Второму Всероссийскому съезду Советов, создавшему и утвердившему рабоче-крестьянское правительство, возглавленное лидером большевиков - В. Лениным. Победа Октябрьского переворота, потрясая не только страну, но и весь мир, поставила вопрос: чья власть и во имя чего утвердилась в стране, куда она намерена повести Россию?

Сегодня, как и много лет назад, об Октябрьской революции пишут многие и разное. Мы живем в любопытное время, когда отечественных фальсификаторов нашей истории и в первую очередь Октябрьской революции гораздо больше, чем их было за рубежом за все послеоктябрьские годы. Но самым прискорбным является то, что этим постыдным делом сегодня заняты не только полуграмотные и неграмотные политические крикуны и падкие на синекуру журналисты, которым наука и совесть всегда были чужды, но также остепененные политики и политологи, философы и экономисты, - вчерашние марксистские ортодоксы, а сегодняшние "марксоеды", - которых ни в коем случае нельзя заподозрить в незнании и неграмотности. Напротив, есть основательные причины уличать их в сознательной лжи, продуманном обмане своей паствы. Конечно, когда в стране все ломалось, перестраивалось и реформировалось, можно понять, что кое-кто, пытаясь "попасть в ногу" с быстро меняющейся ситуацией, неудачно приспособляясь к конъюнктуре, "второпях" наговорил лишнего, взболтнул непродуманное. Но теперь, когда после случившегося прошло достаточно времени, чтобы высветить последствия перемен, и когда из прошлых заметок и выступлений начинают лепить концепцию отечественной истории, а конъюнктурщики так и не покаялись, не исправили своих фальсификаций, могущих попасть в создаваемый вариант истории в качестве истин, как раз время назвать вещи своими именами.

Одно из главных мест среди "новаторских" подходов к отечественной истории, подходов, грозящих быть "пересаженными" в исторические учебники, занимает способ фальсификации фактов отечественной истории, который я называю престоалинским. В чем его суть? Как известно, И. Сталин в "Вопросах ленинизма", издававшихся одиннадцать раз, а также в своем "Кратком курсе", тоже выходявшем многомиллионными тиражами, изложил свою - фальши-

вую - версию Октябрьской революции, свой вариант мыслей и действий Ленина и большевиков во время этого ключевого исторического события. Наша отечественная наука не смогла или не успела в свое время основательно разоблачить ложь этой версии, которая не только продолжает жить в головах миллионов граждан, но и служит предметом сегодняшних инсинуаций. Ведь нынешние политические крикуны, не будучи в состоянии спорить с В. Лениным и фактами истории - да они и не знают их - переписывая историю нашего отечества, опровергают не то, что было на самом деле, а именно эту освоенную ими в советское время сталинскую версию взглядов и действий Ленина, преподнося свою возню со сталинскими упрощениями в качестве "ниспровержения" Октября.

Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую сказанное одной большой сталинской ложью и тремя малыми обманами трех, как я их называю, "сталинских ретрансляторов" по двум вопросам: Почему Ленин выступал за Октябрьский переворот? Как он оценивал суть и перспективы Октября?

Исходная сталинская ложь такова. Вернувшись в Россию после Февраля и победы буржуазной революции 1917 года, В. Ленин сходу отбросил меньшевистскую догму о социально-экономической незрелости России и уже на апрельских партийных конференциях нацелил большевиков на непосредственный переход от буржуазной революции к социалистической, на перерастание первой во вторую. Развернув широкую агитацию в массах, используя недовольство граждан продолжающейся войной, большевики собрали необходимые силы и совершили Октябрьский переворот как классическую социалистическую революцию: они свергли власть буржуазии, утвердили диктатуру пролетариата и тем открыли путь для реализации ленинского плана перехода к социализму.

Если мы обратимся к сегодняшним спорам об Октябре, то легко убедимся в том, что и друзья и враги Октября чаще всего ведут свои дискуссии в рамках этой сталинской версии. В результате **за пределами дискуссии остается главная правда об Октябрьской революции.** Войдя в общественное сознание как образец классической социалистической революции, эта революция на самом деле таковой не являлась: разрешая разнотипные противоречия, Октябрьская революция была по своей социальной природе органическим соединением разнородных социально-экономических процессов.

Непонимание этой главной правды Октября пронизывает статьи как тех, кто, защищая Октябрь, надеется отстоять "марксистско-ленинскую" (а на деле сталинскую) "правду" об Октябре, так и тех, кто, опираясь на вьезшуюся в обывательское сознание сталинскую ложь, заявляет, что опровергает Ленина и "развенчивает" Октябрь. Это особенно хорошо видно, когда исходную сталинскую ложь "сталинские ретрансляторы" трансформируют в свою конкретную ложь и ее же опровергают, выдавая все это за "развенчание" Октября. Обратимся к этим конкретным обманам.

Обман доктора экономических наук Г. Попова: Ленин и большевики, по мнению этого бывшего ортодоксального марксиста, быстро превратившегося в марксоеда, не видели и не хотели видеть неготовности России к социалистическим преобразованиям, считали, что она созрела для этого. Дословно: "Ленин

и большевики убедили себя и страну, что экономика созрела и даже перезрела для перехода к социализму"¹⁸.

Обман доктора философских наук А. Ципко. Этот автор, неоднократно выступавший против Ленина и Октября, утверждает, что Октябрьский переворот - продукт узкой кучки заговорщиков, что из-за нежелания россиян совершать социалистическую революцию, "жаждавший власти" Ленин возбуждал массы, используя такие извечные человеческие слабости как ненависть и зависть. Дословно: "Можно, конечно, писать сотни и тысячи умных статей о Ленине, о Троцком, о Марксе, но, на мой взгляд, нельзя не видеть некий общий тип людей, который сознательно эксплуатировал такое вечное человеческое качество как ненависть"¹⁹. И это, мол, было основой Октября. И далее: "Дело в конце концов не в Октябрьской революции как таковой, дело в нравственном оздоровлении общества"²⁰.

А вот ложь писателей А. Адамовича и В. Солоухина. Согласно обвинительному приговору первого, В. Ленин и большевики - заговорщики-авантюристы: толкая массы к искусственно вызванной революции, они навязали гражданскую войну, что привело к миллионам жертв. Созвучно этому и фраза: Октябрь - это "авантюра 1917 года, которая обошлась народу в миллионы жизней"²¹. В том же духе рассуждает В. Солоухин, который, благословляя дореволюционные порядки, клеймит большевиков-властолюбцев: "...Только ради власти были пролиты реки крови. А страдания людей невозможно исчислить"²².

Прежде чем приступить к рассмотрению этой псевдодемократической лжи, приведу некоторые соображения по этому же поводу демократа-историка А. Кивы. Примерно в то же время, когда его процитированные выше коллеги уже успели "расплеваться с коммунизмом" и превратились в актикоммунистов, а А. Кива еще только догонял их, он писал: "Упрощения всегда вредны... Как бы то ни было, нельзя согласиться с искаженным изображением Октября. Например, с утверждениями, что это был узкий заговор... Тем более смехотворны утверждения, что Лениным руководило стремление отомстить за своего старшего брата..., вряд ли подобает смотреть на Октябрь глазами династии Романовых, идеализировать последних. Ибо это противоречит истине, правде жизни"²³.

Чтобы вернуться к правде жизни и опровергнуть не только упомянутых, но и многих других современных фальсификаторов Октября, взглядов и действий В. Ленина во время Октября, следует на время пренебречь упомянутыми сталинскими ретрансляторами и рассмотреть исходную сталинскую версию, ее ложь, ибо без ее разоблачения нельзя занять правильную отправную позицию для разоблачения более конкретных фальсификаций.

Что здесь особенно важно?

Со времени сталинского "Краткого курса" в советской и отчасти в зарубежной исторической науке господствует точка зрения, согласно которой Октябрьская революция представляет собой классическую социалистическую революцию, свергнувшую буржуазное Временное правительство, утвердившую диктатуру пролетариата и тем самым открывшую прямую дорогу для строительства социализма, для всех последующих "социалистических эксперимен-

тов" послеоктябрьской России. Если принять эту упрощенную и во многом фальшивую схему Октября, возникает ряд недоуменных вопросов. Главные из них таковы.

Первый вопрос. Если Ленин считал, что в России назрела социалистическая революция, то почему он, выступая за новый этап революционной борьбы и утверждение более радикальной власти на протяжении февраля-октября 1917 года постоянно подчеркивает, что Россия - крестьянская страна, "одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм"²⁴. Почему он говорит и пишет о новом этапе уже идущей революции (как известно, буржуазно-демократической), а не говорит о "новой" - социалистической - революции? Почему сразу после апрельских партийных конференций Ленин заявляет, что не стоит за немедленное перерастание идущей буржуазной революции в социалистическую? Почему на подобное обвинение Л. Каменева он отвечает: "Это не верно. Я не только не "рас-считываю" на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «Не "введение" социализма как наша непосредственная задача»²⁵, "а переход тотчас лишь(!) к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов"²⁶. Почему ленинские слова "прямо предостерегаю против этого" (против немедленного перерастания буржуазной революции в социалистическую) никто не комментирует?

Второй вопрос. Если В. Ленин и большевики намеревались совершить социалистический переворот, то почему они предлагали утвердить не диктатуру пролетариата как орган власти социалистической революции, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства как вариант власти, способной сделать то, что в условиях двоевластия не сделала "демократическая диктатура пролетариата и крестьянства", возникшая как орудие не социалистической, а радикальной демократической революции?

Третий вопрос. В сталинские времена всякий раз, когда речь шла об Октябре, говорили с трибун и киноэкранов: "совершилась социалистическая революция". Но вот не ясно, почему сам В. Ленин, выступая после победы вооруженного восстания на Втором Всероссийском съезде Советов, сказал: "Рабочая и крестьянская революция (а не социалистическая. - А.Б.), о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась"²⁷.

Четвертый вопрос. Если октябрьский переворот - это социалистическая революция, открывшая непосредственный переход к социализму, то как быть с утверждением В.И. Ленина "Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью "введения" социализма в стране мелкого крестьянства"²⁸.

Ответ на все эти и многие другие вопросы, по моему мнению, может быть только один: вопреки лжи сталинского времени, Октябрьская революция ни по своему замыслу и своим последствиям, ни по природе установленной власти, ни по характеру своего развития не являлась, как утверждалось, "классической социалистической революцией". Она представляла собой сложное, противоречивое переплетение разнородных процессов, и прежде всего, это было

соединение радикального завершения демократической революции с вызванной войной всплшкой социальной революции рабочего класса²⁹.

Возвращаясь с этих позиций к клевете на Октябрь и на Ленина современных сталинских ретрансляторов, нужно еще и еще раз подчеркнуть, что ни до Октября, ни после него В. Ленин не считал, что Россия, ее экономика созрела, а тем более перезрела, как утверждает Г. Попов, для перехода к социализму. Возникает недоумение: держал ли доктор экономических наук Г. Попов, пишущий о Ленине в Октябре, в своих руках тридцать первый том полного собрания ленинских сочинений, где он чуть ли не на каждой странице пишет, что Россия не готова к "введению" социализма, что Россия - одна из самых отсталых стран Европы, а потому здесь не может быть и речи о непосредственном переходе к социализму, что Россия - крестьянская страна, а вводить крестьянский социализм мы не хотим и т.д. и т.п. Уверен, что Г. Попов все это читал и не верю, что у него настолько глубокий склероз, что он "забыл" о прочитанном. Просто ему удобнее здесь держать язык за зубами, ибо он из тех, у кого "язык, на котором впервые научился держать язык за зубами, считается родным". Далее, ни Ленин, ни большевики совсем не возбуждали у трудящихся ненависти к угнетателям, не занимались "сознательной эксплуатацией этого вечного качества", как заявляет А. Ципко³⁰, ибо социально-классовой ненависти и без них было более, чем достаточно. Правильнее считать, что большевики своими призывами стремились ввести колоссальной силы всенародный бунт или взрыв в русло организованных революционных действий. И в основном это им удалось, как это отмечал еще Николай Бердяев. Но в ряде случаев они и сами оказывались в плену пугачевщины и своей классовой оголтелости.

Если все это так, если Г. Попов, А. Ципко, А. Кива и другие дипломированные фальсификаторы ленинизма и Октября лишь повторяют, добавляя своей желчи, сталинскую ложь о Ленине и Октябре, являются чаще всего лишь современными ретрансляторами сталинизма, то, естественно, возникает вопрос: для чего же тогда Ленину и большевикам был необходим Октябрьский переворот? Неужели для утверждения личной власти?

Разумеется, ничего подобного. Ленин и большевики звали к новому этапу революции, к Октябрьскому перевороту ради трех основных целей.

Во-первых, новый этап революции с более радикальной властью был необходим не во имя еще невозможного для России социализма, а для завершения буржуазно-демократической революции, для осуществления ее основных задач, которые не хотела решать буржуазия и ее Временные правительства (даже при двоевластии). Именно поэтому В. Ленин, подводя массы к Октябрю, вовсе не выдвигал лозунга диктатуры пролетариата или социальной революции рабочего класса. Нет! Он выдвигал лозунг не социалистической диктатуры пролетариата, а революционно-демократической диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства как орудия не социалистической, а радикальной демократической революции.

Таким образом, Октябрь был необходим в первую очередь для того, чтобы завершить буржуазно-демократическую революцию, чего не хотела делать имевшая власть буржуазия. Кстати, Л. Троцкий тоже писал о "самостоя-

тельной борьбе, хотя бы только во имя демократических задач"³¹. Характеризуя тогдашнюю ленинскую позицию, он утверждал, что из нее вытекало: "довершить демократическую революцию возможно лишь при господстве рабочего класса"³².

Во-вторых, никакой прогресс в России не был возможен, пока она участвовала в империалистической войне, изматывавшей страну, ведшей ее к катастрофе. Но разрыв империалистических связей России, безусловно, не укладывался в рамки обычной буржуазной революции: такая задача была не под силу любому самому демократическому правительству. «Российская революция, - писал тогда В. Ленин, - свергнув царизм, должна была неизменно идти дальше, не ограничиваясь торжеством буржуазной революции, ибо война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции. И поэтому нет ничего смехотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей "диктатора". Пожар революции воспламеняется исключительно благодаря неимоверным страданиям России и всем условиям, созданным войною, которая круто и решительно поставила вопрос перед трудовым народом: либо смелый, отчаянный и бесстрашный шаг, либо погибай-умирай голодной смертью»³³.

Как бы отвечая своим сегодняшним фальсификаторам, пишущим о "спекуляциях революционеров на человеческой ненависти", В. Ленин высмеивает тех, кто пытается изобразить Октябрьскую революцию как результат подстрекательства или "злой воли" партий и личностей, называет смехотворной саму мысль о том, что такое развитие «вызвано какой-то отдельной партией, отдельной личностью или, как иногда кричат, волей "диктатора"».

Нужно подчеркнуть: Ленин осознавал тот факт, что в России происходит не полномасштабная социальная революция рабочего класса, тождественная социалистической революции, а только "вспышка социальной революции", вспышка, обусловленная войной и стремление разорвать с войной, а значит и с империалистически-капиталистическими связями, отношениями. Ленин неоднократно подчеркивал этот отнюдь не всеобщесоциалистический, а частносоциалистический характер Октябрьского переворота, что, по его мнению, обязательно поставит эту революцию перед неслыханными трудностями. Так, он говорит, что "революция в стране, которая повернула против империалистической войны раньше других стран, революция в отсталой стране, которую события, благодаря отсталости этой страны, поставили, конечно, на короткое время, и, конечно, в частных вопросах впереди остальных стран, более передовых, - конечно, эта революция неизбежно осуждена на то, что она будет переживать моменты самые трудные, самые тяжелые и в ближайшем будущем самые безотрадные"³⁴.

В-третьих, Октябрьская революция была необходима для того, чтобы вырвав Россию из империалистической бойни и завершив задачи буржуазной революции, создать благоприятные условия для постепенных и опосредованных шагов к социализму. Если проследить историю 1917 года, начиная с Февраля, то обнаружим, как В. Ленин настойчиво повторяет основную мысль:

Россия не готова для "введения" социализма. В то же время он подчеркивает и другое: жизнь заставляет Россию, как и все другие страны, осуществлять меры, представляющие собой не непосредственный переход к социализму, а подход к нему, опосредованные "шаги к социализму".

Легкая победа Октября, всколыхнувшая "наинижайшие низы" общества, породила в массах веру в близость социализма. Выражая эти настроения масс, многопартийный II Всероссийский съезд Советов декларировал социалистический выбор дальнейшего развития страны. Уже 4(17) ноября 1917 года Ленин говорил: "Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы - ее провозгласили члены съезда Советов, никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена"³⁵. А еще через день Ленин писал: мы будем "проводить программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму"³⁶.

А как же с неготовностью России к социализму? Революционная эйфория, видимо, была главной причиной, подтолкнувшей Ленина и большевиков на согласие с подобными решениями. Насколько сильна была в тогдашнем обществе вера в близость социализма, в необходимость такого выбора и такого пути, свидетельствует и то, что даже в Учредительном собрании, открывшемся в марте 1918 года, партиям "социалистической ориентации" (социал-революционерам и социал-демократам) принадлежало более 85% мест. Оценивая этот факт, председатель собрания эсер В. Чернов говорил: "Страна высказалась, состав Учредительного собрания - живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму"³⁷. Эсер опровергает А. Ципко, А. Адамовича, В. Солоухина и других, заявляющих о том, будто Ленин и большевики насильственно навязали народу курс на социализм. Кстати, В. Чернов считал, что это мнение народа очень важно: "Оно означает конец неопределенного колеблющегося переходного периода"³⁸. Констатируя "мощную тягу народов России к социализму", не подвергая сомнению социалистический выбор народа, В. Чернов предлагал свое видение этого избранного народом пути. "Социалистическое строительство, - считал он, - предполагает вместе с тем могучий подъем производительных сил страны.., социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете, не есть азартные и рискованные опыты, на почве общего упадка лишь ускоряющие разложение и разруху, напротив, он в деловой планомерной работе"³⁹. Как известно, Ленин и большевики надеялись с самого начала осуществлять политику, названную позже НЭП⁴⁰.

Истории не суждено было испытать эти варианты развития: крайне обострившаяся классовая борьба вылилась в гражданскую войну 1918-21 гг. Сталинская историография распространила такую характеристику и на Октябрь, который стал трактоваться как апофеоз "классической социалистической революции".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. П. Волобуев. К вопросу о закономерности Октябрьской революции. // Коммунист, 1990. N 10. С. 21.
2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 115.
3. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. С. 422-423.

4. Там же. С. 423.
5. Насколько недоступными были для многих эти принципиальные различия меньшевиков и большевиков, как был не понятен для современников В. Ленин, свидетельствует, например, следующее рассуждение одного из умнейших лидеров российской буржуазии, кадета П.Н. Милюкова. В первом томе книги "Россия на переломе" (Париж, 1927) он писал: "Все социалистические партии сходились тогда (апрель 1917 года) в признании, что февральская революция есть революция буржуазная. Но отсюда Ленин и его партия делали вывод, что к "буржуазной" революции социалистам не следует прикасаться. К этому мнению склонялись и левые крылья других социалистических партий" (П. Милюков. Почему большевики взяли верх? // Коммунист. 1990, № 15, С. 53).
6. В. Старцев. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист, 1994, № 15. С. 35.
7. Там же. С. 36.
8. И в этом нет ничего странного: протоколы этого совещания держались Сталиным в глубочайшем секрете. Только в 1923 году были тайно изготовлены три копии для членов "тройки": Сталина, Зиновьева и Каменева. Позже, в 1926 году, когда Зиновьев и Каменев перешли в оппозицию, документы окольными путями попали за границу, где и были изданы на русском и английском.
9. Цит.: *Лев Троцкий*. Сталин. Том 1. С. 263.
10. Там же.
11. *Лев Троцкий*. Сталин, Т. 1. С. 273.
12. В.И. Ленин. Поли. собр. соч., Т. 31. С. 140.
13. В.И. Ленин. Поли. собр. соч., Т. 31. С. 140.
14. *Malia Martin*. Understanding the Russian Revolution. LTD London, 1985, p. 289.
15. Там же. С. 128-129.
16. Там же. С. 129.
17. Там же. С. 128.
18. См. Огонек, 1990, № 50. С. 6.
19. Русский курьер, 1990, № 1. С. 7.
20. Там же.
21. Коммерсант, 1990, № 26. С. 12.
22. См. Огонек, 1990, № 51. С. 30.
23. *Алексей Кива*. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия, 5.XI. 1990. С. 3.
24. В.И. Ленин. Поли. собр. соч., Т. 31. С. 91.
25. Там же. С. 142.
26. Там же. С. 116.
27. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 35. С. 2.
28. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 31. С. 168.
29. См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 35. С. 239.
30. В пылу откровенности А. Ципко назвал себя недавно ренегатом, что ни для кого - не секрет, но это и не индульгенция для новых обманов.
31. Л. Троцкий. Сталин, Т. 1. С. 265.
32. Там же. С. 267.
33. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 31. С. 239.
34. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 36. С. 244-245.
35. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 35. С. 54.
36. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 35. С. 76.
37. См. А. Бутенко. Был ли неизбежен Октябрь? // Правда. 1990. 25.10.
38. Там же.
39. Там же.
40. *Бухарин Н.* Цезариум под маской революции. М., 1925. С. 22-23.